

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫМ И БРОШЕННЫМ ДЕТЯМ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.¹

В статье освещена организация помощи брошенным детям в Пермской губернии. В конце XVIII — начале XIX вв. главным институтом этой помощи являлись воспитательные дома, которые были уникальным явлением не только в российской, но и в европейской практике. Согласно закону, все брошенные дети, как законные, так и внебрачные, выходили из воспитательных домов вольными людьми и сохраняли этот статус в дальнейшем, никто не имел возможности их закабалить или прикрепить к себе. В 1828 г. правительство закрыло воспитательные дома в провинции. Главной причиной этого решения стали политически-сословные факторы. Попечение о брошенных детях было передано местным органам самоуправления. Однако размеры детской помощи были невелики, значительная часть брошенных младенцев гибла. В конце XIX — начале XX вв. государство усилило внимание к проблемам брошенных детей. В 1898 г. организация воспитательных домов была вновь разрешена. В Пермской губернии главную роль в помощи брошенным детям играл Верх-Исетский сиротско-воспитательный дом. Существовали и другие институты помощи. Однако цельной системы помощи брошенным детям в стране, в том числе и на территории Пермской губернии не сложилось. Главной отрицательной чертой организации помощи бедным и обездоленным детям была ее хаотичность. Помощь нуждающимся оказывалась через разобщенные и не связанные между собой земские, городские, сословные и ведомственные учреждения, а также благотворительные общества. Не были определены источники финансирования социальной помощи и категории лиц, подлежащих обязательному призрению.

Ключевые слова: социальная политика, детская помощь, воспитательные дома, благотворительность, история Урала XIX — начала XX вв.

Первые государственные учреждения помощи «несчастнорожденным» детям возникли в России в конце XVIII в. Московский (1763) и Санкт-Петербургский (1770) воспитательные дома, созданные по воле Екатерины II, а также все основанные вслед за ними детские заведения в российских губерниях были уникальным явлением не только в российской, но и в европейской практике. Согласно закону, все брошенные дети, как законные, так и внебрачные, выходили из них вольными людьми и сохраняли этот статус в дальнейшем, никто не имел возможности их закабалить или прикрепить к себе. Бывшим питомцам детских заведений закон давал право заниматься предпринимательством, покупать дворы, лавки, заводить фабрики и заводы, вступать в любые свободные «состояния». Практика создания воспитательных домов в провинции, однако, была недолгой. В 1828

¹ © Дашкевич Л. А. Текст. 2018.

г. правительство приняло решение закрыть детские учреждения и определить их питомцев к опекунам или мастерам «для воспитания и обучения приличным мастерствам и рукоделиям» [2, с. 260].

Современный исследователь А.Р. Соколов вполне обоснованно видит в числе причин этого решения не только медицинские факторы (высокая смертность детей — в Екатеринбургском воспитательном доме она доходила до 95 %), но и, главным образом, политически-сословные. Императора Николая I раздражало существование детских заведений в том формате, как их создала Екатерина II. Они совершенно не вписывались в формирующуюся императором государственную консервативную структуру образования и воспитания детей, главной целью которой было сохранение сословной структуры общества. В преамбуле к Указу 1837 г. «О мерах по уменьшению приноса в воспитательные дома детей» об этом говорилось вполне ясно: «Умножающийся год от году принос в Московский и Санкт-Петербургский воспитательные дома и возрастающая вместе потребность для них в кормилицах обнаружили, особенно при последней народной переписи, вредное влияние, которое имеет на народонаселение ежегодное удаление такого множества крестьянок от естественных материнских обязанностей. С другой стороны, долговременный опыт доказал, что многие родители отчуждают и законнорожденных детей своих от родительского попечения и семейного быту не по причине нищеты, лишаящей способов к их содержанию, а для того, чтобы под этим предлогом вывести детей своих из сословия, к которому принадлежат, освободить их от общественных обязанностей, на том сословии лежащих, или доставить выгоды по гражданской службе выше своего состояния» [11, с. 105].

Общество неоднозначно восприняло весть о закрытии воспитательных домов. В 1830 г. на страницах журнала «Вестник Европы» развернулась настоящая полемика по этому поводу. Начало ей дала книга ректора Санкт-Петербургского университета А.А. Дегурова «Исследования о подкидышах и детях незаконнорожденных в России, в других краях Европы, в Азии и Америке», а также статья известного немецкого врача Х. Гуффеланда, которая была опубликована в «Варшавской газете». Упомянутые авторы считали, что создание приемных домов для подкидышей имеет весьма негативное влияние на нравственное состояние общества и лишь умножает число несчастных покинутых детей. Распространившиеся в обществе скептические взгляды по отношению к призрению подкидышей возмутили главного доктора Санкт-Петербургского воспитательного дома Филиппа Делпа. В своей «Медико-статистической записке об Императорском Санкт-Петербургском воспитательном доме» (1835 г.) он писал: «Это поверженное изложение действий нашего заведения, где тысячи несчастных существ, избавленные не только от голодной смерти, но часто и от ужаснейшей еще смерти от руки родителей, делаются полезными гражданами, достаточно, кажется, к опровержению жестокого проклятия воспитательным домам, необдуманно произнесенных мужем человеколюбивым

и знаменитым ветераном-врачом. К сожалению, далеко отозвалось пагубное его изречение „Прочь воспитательные дома! Они производят подкидышей. Они не благо, но язва для государств. Они порча и нравственного, и физического их блага”. К сожалению, это изречение могло быть причиной, что подобные спасительные заведения уничтожены вместо того, чтобы улучшить их, дать им сообразнейшую организацию и заменить неспособных правителей их достойнейшими, ибо лишь внутреннему устройству и управляющим, но не безвинным сиротам должно приписывать худой успех таковых заведений» [3, с. 57]. Главным вопросом в возникшей полемике, как мы видим, было моральное состояние общества. Вопрос о праве каждого младенца на жизнь даже не поднимался. Все станет иначе позднее, в конце XIX — начале XX в., когда и в обществе, и в правительстве изменится отношение к детской жизни.

Надо заметить, что, несмотря на запретительные меры 1828 и 1837 гг., прием подкидышей в столичные воспитательные дома сохранился. Они по-прежнему собирали незаконнорожденных младенцев со всей территории России, но судьбу их государство решало уже иначе, чем в екатерининские времена. Воспитанников «неблагогородного» происхождения определенного возраста определяли на фабрики и заводы, переводя в разряд мастеровых, либо причисляли к крестьянским семействам [9, с. 97]. Несмотря на это, число детей, прибывавших в столицы из провинции, было очень велико. Дореволюционный историк А.Ф. Селиванов подсчитал, что во второй половине XIX в. около 42 % всех детей, принимавшихся Московским воспитательным домом, были привезены сюда из разных городов. В России даже создался особый «питомнический» промысел: по просьбам матерей, женщины доставляли младенцев в воспитательные дома за плату, условия поездки для них при этом были ужасны: «Везут обыкновенно несколько детей в корзине и кормят их плохо и вместо молока дают соску с черным хлебом» [10, с. 186]. На Урале, впрочем, этот промысел развит не был — слишком далеко было до столицы. Незаконнорожденных и брошенных младенцев поддерживали приказы общественного призрения, а после реформ 1860–1870-х гг. земства и городские органы самоуправления, но средства, выделявшиеся на решение этой социальной проблемы, были невелики.

К закрытому призрению брошенных младенцев государство вернулось в конце XIX — начале XX вв. Как уже отмечалось, что это было вызвано не только импульсами сострадания и милосердия. Задачи социального обустройства детей получили в конце XIX — начале XX вв. совершенно иное звучание, чем столетие назад. Врач московской детской Владимирской больницы М.М. Райц, отдавшая много сил и энергии охране здоровья детей, писала в 1917 г.: «Двадцатый век признал, что благо подрастающего поколения является основанием как общественного, так и государственного процветания каждого народа, и утвердил за ребенком значение не

только лично семейного, но и национального достояния» [8, с. 497]. Новые тенденции в сфере призрения незаконнорожденных и покинутых детей отразил в своей монографии доктор медицины, главный врач Санкт-Петербургского воспитательного дома М.Д. Ван-Путерен [7]. Работу над книгой, обобщившей огромный фактический материал о помощи подкидышам не только в нашей стране, но и за рубежом, врач начал в 1893 г. В это время Санкт-Петербургский воспитательный дом уже не справлялся с возрастающим притоком приносимых младенцев. Для решения проблемы Опекунский совет дома предложил провести так называемую «децентрализацию», то есть переложить значительную часть расходов на местные средства земских и городских общественных управлений. Доклад о «децентрализации» детского призрения был отправлен на высочайшее имя в 1889 г. Александр III ознакомился с ним и одобрил, но поручил предварительно ознакомиться с зарубежным опытом в этой сфере, после чего М.Д. Ван-Путерен был отправлен за границу. Окончательно вопрос решился 9 марта 1898 г., когда было утверждено постановление Государственного совета, отменившее воспрещение 1828 г. на учреждение в губерниях воспитательных домов.

Побывав в Европе, доктор М.Д. Ван-Путерен решил ознакомиться с положением дела в собственной стране. Он обратился к тем местным учреждениям, в ведении которых должны были находиться несчастные дети. Результаты этого обращения, однако, как пишет автор, «получились очень скудные», почти никто на просьбу врача не ответил, и тогда ему пришлось самостоятельно изучить проблему по архивным делам хозяйственного департамента министерства внутренних дел, изданиям уездных земств и другим местным материалам. Выводы М.Д. Ван-Путерена были печальны: в большинстве губерний размеры призрения брошенных детей были мизерны и далеко не удовлетворяли необходимым потребностям. В Пермской губернии, например, по данным М.Д. Ван-Путерена, особого земского заведения для содержания брошенных детей не существовало. Губернская земская управа вообще очень редко обращались к проблеме детского призрения, доверив ее благотворительным обществам. В земских материалах встречались лишь немногочисленные замечания по изучаемому вопросу, которые позволили автору сделать вывод, что земская помощь детям оказывалась в очень небольших размерах. В 1881 г., например, по его данным, губернская управа доложила земскому собранию о том, что в связи с подорожанием жизненных припасов необходимо возвысить плату воспитателям, берущим к себе подкидышей с трех до четырех-пяти рублей в месяц [6, с. 2–3]. Основную долю расходов по содержанию брошенных детей брали на себя благотворительные общества и детские заведения, созданные на пожертвованные средства.

Самым значительным из них был Верх-Исетский сиротско-воспитательный дом. История этого детского заведения связана с именем екатеринбургского купца второй гильдии Семена Алексеевича Петрова,

человека удивительной судьбы. Судя по рассказам старожиллов, собранным в 1915 г. В.В. Калачниковым, А.С. Петров был внебрачным сыном нищенки, происходившей из крестьян Камышловского уезда. Долгое время мальчика так и звали «Фенич», сын Федосьи. Младенцем он был подкинут к дому Максима Ивановича Коробкова, богатого екатеринбургского купца, занимавшегося «винно-колониальным делом». Приемный сын оказался удачливым предпринимателем и значительно умножил доставшиеся ему от отца капиталы. В конце жизни он решил употребить их на «облегчение участи обездоленных и беспризорных детей». Наследников у С.А. Петрова не было, до конца жизни он оставался холостяком. Современники считали, что решение купца не было случайным, оно долго обдумывалось. В записках, обнаруженных В.В. Калачниковым в доме С.А. Петрова, много говорилось о судьбе и тяжелом положении незаконнорожденных детей [4, с. 4]. По завещанию купца, все его торговые и коммерческие дела были ликвидированы, а доходы, полученные от продажи движимого и недвижимого имущества (около 400 тыс. руб. — огромная для того времени сумма!), пущены на создание сиротско-воспитательного дома. Хозяйственное управление всеми этими капиталами купец завещал Екатеринбургской городской думе.

Семен Алексеевич Петров умер 21 декабря 1881 г. Распродажу его имущества и составление устава приюта дума поручила ликвидационной комиссии, в состав которой вошли известные и уважаемые в городе купцы и городские деятели. Уставные документы сиротско-воспитательного дома имени С.А. Петрова были подготовлены к 1883 г., но их утверждение затянулось из-за всевозможных юридических проволочек — на создание подобных учреждений, как уже говорилось, власти шли неохотно. Официальное разрешение на открытие детского заведения было получено лишь 19 мая 1890 г. Согласно уставу, оно могло принимать не только покинутых детей — подкидышей, в том случае, если их родители не установлены полицией, но и круглых сирот до 10-летнего возраста. То есть, это был скорее приют, чем воспитательный дом для младенцев.

Как и многие другие благотворительные учреждения, воспитательный дом был подчинен ведению министерства внутренних дел, непосредственное же управление им осуществлял попечительный совет. Он состоял из четырех членов, избравшихся Екатеринбургской городской думой каждое четырехлетие. Фактически деятельность Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома имени С.А. Петрова началась в 1893 г., когда попечительный совет приобрел здание бывшего детского общежития Екатеринбургского комитета по разбору и призрению нищих на Уктусской улице города Екатеринбурга, где и было открыто Екатеринбургское отделение детского заведения. Обитатели общежития, 76 детей и подростков в возрасте от 2 до 16 лет, стали его первыми питомцами. Существовало отделение, правда, недолго. В 1897 г. на месте прежней усадьбы С.А. Петрова в поселке Верх-Исетского завода было возведено новое трехэтажное здание

по проекту архитекторов Ю.И. Дютеля и С.С. Козлова, в котором решено было сосредоточить всех обитателей петровского дома. По этой причине Екатеринбургское отделение вскоре закрылось. Строительство здания обошлось городской думе в 115 128 руб. 69 коп. Эти деньги были взяты из капитала, завещанного С.А. Петровым.

Условия содержания питомцев в новом сиротско-воспитательном доме были достаточно комфортными. Для детей старшего и младшего возраста здесь действовали специализированные отделения, девочкам и мальчикам старшего отделения предоставлялись отдельные спальни. В центральной части третьего этажа здания, отданного старшему отделению, строители разместили обширный и светлый рекреационный зал для отдыха и торжественных мероприятий, два классных помещения, комнату воспитательницы, в левом крыле — три спальни для девочек, швейную и рукодельную мастерские, в правом — три спальни для мальчиков, комнату воспитателя и помещение для игр. Учебные мастерские расположились на втором этаже здания. Здесь же, в четырех просторных помещениях, жили дети младшего возраста (до 6 лет). Рядом с «детскими» расположилась комната смотрительницы сиротско-воспитательного дома и канцелярия. Нижний полуподвальный этаж здания был предназначен для различных служебных помещений и кладовых. Погреб, бани, прачечную и конюшни поместили на дворовой территории.

После возведения собственного здания численность питомцев петровского сиротско-воспитательного дома существенно увеличилась. 11 октября 1897 г. здесь открылось отделение для грудных детей, которое стало быстро заполняться «найденными и подкидышами». В соответствии с волей завещателя, устав не ограничивал строго количество призремых детей. Очень скоро это привело к финансовым трудностям. Основным источником содержания детского заведения были проценты с оставленного купцом С.А. Петровым капитала. В 1893–1903 гг. они ежегодно по жертвованию, но их сумма не превышала 826 руб. Определенный доход приносили результаты трудов собственных мастерских воспитательного дома, но и это были небольшие деньги. В 1893–1903 гг. они составляли от 180 до 802 руб. В целом, этого капитала вполне хватало на содержание детей, жалование штатных служащих, ремонт и оборудование здания. Но растущее количество приносимых младенцев требовало увеличения количества кормилиц и обслуживающего персонала. Так, если к 1 января 1899 г. штат служащих включал 27 чел., из них лишь 4 няньки и 3 кормилицы, то к 1 января 1904 г. здесь работали уже 9 нянек и 17 кормилиц. Подобных расходов бюджет заведения покрыть не мог.

Определенную помощь в решении финансовых проблем оказали детскому воспитательному учреждению в эти трудные для него годы местные общественные организации. В 1907 г. совет старшин коммерческого собрания Екатеринбурга постановил отчислять в пользу дома по 5 % с каждой

выданной игры карт. В 1908 г. Уральский отдел союза для борьбы с детской смертностью выделил попечительному совету 500 руб. в пользу «дела призрения подкидышей». Тогда же, по решению Второго российского страхового общества сюда было решено отправлять процентное вознаграждение за работу страховых агентов. Екатеринбургское общество устраивало благотворительные концерты, спектакли, беговые дни. Но все же эти меры не могли решить всех хозяйственных проблем. К маю 1908 г. дефицит бюджета сиротско-воспитательного дома составил уже около 4,5 тыс. руб. Чтобы выйти из создавшегося критического положения, попечительный совет предложил отказаться в течение трех лет от приема в воспитательный дом новых детей.

К этой крайней мере администрация петровского дома, правда, так и не прибегла. В 1908 г. после обращения к губернскому земскому собранию попечительный совет лишь ограничил штат призревавшихся здесь подкидышей до 50 малышей. На содержание каждого из них земство постановило отпускать по 9 руб. в год. Эта мера помогла частично сгладить проблему призрения брошенных детей, однако, как пишет В.В. Калачников, «число последних в городе продолжало возрастать с каждым годом и при всегда заполненном штате вакансий воспитательного дома, большинство из них, после бесплодных странствований в руках обнаруживших их полицейских чинов из одного благотворительного учреждения города в другое, препровождались полицией в ближайшие к городу волостные правления, которые и выдавали их на воспитание в частные семьи с платой за счет губернского земства по четыре рубля в месяц при посредстве уездного земства» [4, с. 32]. Большая часть маленьких страдальцев при этих мытарствах, конечно, погибала.

Екатеринбургская городская дума признала это положение недопустимым. В 1911 г. она обратилась к попечительному совету петровского дома с просьбой взять на себя посредничество в помощи несчастным детям и администрация согласилась после обнаружения младенцев полицией размещать их временно в приемном покое воспитательного дома и содержать там в приличных условиях под врачебным присмотром до отдачи в частные руки. Городское управление и земская управа оплачивали эти услуги. В 1911 г. на этих условиях в петровском содержалось 75 детей, в 1912 г. — 123, в 1913 г. — 94, в 1914 г. — 123.

Наряду с финансовыми трудностями петровский дом столкнулся с традиционной бедой воспитательных учреждений — высокой детской смертностью. «Чем моложе принятые дети, тем выше среди них смертность», — констатировал врач этого заведения доктор медицины Б. М. Левенсон. Как правило, подкидываемый ребенок был внебрачным. Матери, избавляясь от нежелательного бремени, «гибельно влияли» на его развитие и жизнеспособность. В другую группу риска входили круглые сироты, родители которых умирали от чахотки и малютки часто «таили в себе зачатки этой страшной болезни» [4, с. 58]. С 1893 г. по 1914 г. включительно учреждение

приняло 1620 чел., из них умерли 950 (58,6 %). Главными причинами смерти, по словам доктора, являлись болезни дыхательных и пищеварительных органов. Много детей погибало также от «бугорчатки легких, костей, брюшины и желез».

Сопоставив две системы кормления — «на стороне» и кормилицами в самом доме — попечительный совет в 1907 г. принял решение «применить в самой широкой степени систему рассеяния подкидышаемых детей». Младенцы отдавались «на сторону» за определенную плату, как правило, женщинам, проживавшим недалеко, в поселке Верх-Исетского завода, что позволяло администрации тщательно следить за состоянием здоровья малышей. «При отдаче на сторону женщины, желающие брать детей, подвергаются телесному осмотру, адреса их записываются и квартиры осматриваются. Дети, отданные на сторону, получают комплект белья, кусок клеенки для подкладки и порцию детской присыпки. Врач дома и его помощница посещают их два раза в месяц, смотрительница и члены совета — по желанию. В случае болезни ребенка кормилица обязана уведомить врача немедленно.» — описывал Левенсон принципы работы «системы рассеяния». В самом сиротско-воспитательном доме в качестве борьбы за жизнь призреваемых использовали только кипячащее, а затем стерилизованное и пастеризованное молоко, производили предохранительные прививки от оспы, скарлатины и дифтерита и даже поголовную ревакцинацию от оспы. В главном корпусе помещался домашний лазарет с изоляционной комнатой, который позволял не только лечить маленьких пациентов, но и предотвращать распространение эпидемий. Тщательно организованный надзор за расселенными детьми вкупе с применением достижений санитарно-гигиенического характера позволил значительно снизить уровень смертности. После полного перехода на «систему рассеяния» и упразднения в 1909 г. грудного отделения при доме уровень младенческой смертности здесь снизился до 37,2 %, а затем и до 33 % [4, с. 58]. Общие показатели смертности детей разных возрастов в петровском воспитательном доме в 1909–1913 гг. составляли в среднем 12,3 %. Эту цифру следует признать значимым достижением в трудной борьбе с высокой детской смертностью на Урале.

Система воспитания детей в сиротско-воспитательном доме имени С.А. Петрова ставила своей главной целью образование «нравственных, полезных и трудолюбивых членов общества». С самого начала деятельности детского заведения здесь была открыта начальная школа, работавшая по программе сельских училищ ведения министерства народного просвещения. Воспитание строилось на религиозно-нравственных началах. Обязательным предметом в школе был Закон Божий, день начинался с молитвы, расписание занятий соответствовало религиозным праздникам. Попечительный совет заботился о художественном развитии детей, для чего в программу занятий были введены уроки пения. Руководил ими известный на Урале музыкальный деятель Ф.С. Узких. В доме имелись

музыкальные инструменты: фисгармония, скрипки. Несколько призреваемых мальчиков брали уроки музыки, девочки пели в хоре. Серьезное внимание уделялось физическому развитию детей. Для них регулярно устраивались прогулки в лес, за город. Старшим воспитанникам давались уроки гимнастики. В свободное от классных занятий время дети посещали библиотеку, приобретенную попечительным советом в 1904 г. и ежегодно пополнявшуюся на средства частных благотворителей. Досуг заполняли и другие культурные и познавательные мероприятия: чтения с демонстрацией картин при помощи «волшебного фонаря», литературно-музыкальные и исполнительские вечера, елки.

Наиболее одаренные питомцы сиротско-воспитательного дома могли за счет средств петровского дома получить дальнейшее образование в городской гимназии, высших училищах, технических и торговых школах. По данным В.В. Калачникова, среди выпускников приюта в 1899–1914 гг. были дети (11 мальчиков и 2 девочки), избравшие так называемые «интеллигентные профессии» (письмоводство, счетоводство и пр.). Главной заботой попечительного совета была практическая подготовка воспитанников, которая обеспечила бы им в будущем возможность заняться собственным делом или поступить в услужение. Для этого при воспитательном доме было введено обучение детей «наиболее употребительным ремеслам и рукоделиям». Швейная мастерская, открытая в 1893 г. при Екатеринбургском филиале сиротско-воспитательного дома, обучала девочек шитью белья, вязанию чулок и прочим рукодельным работам. Воспитанницы не только изготавливали вещи для нужд самого приюта, но и выполняли частные заказы. В 1893–1901 гг. их изделия продавались в магазине готового платья «Перец» в Екатеринбурге. В 1905 г. при мастерской было открыто чулочно-вязальное отделение, в котором девочки учились работать на чулочно-вязальной машине, полученной в дар от почетной попечительницы дома А.А. Конюховой. В 1910 г. здесь появилось рукодельное и кружевное отделение, которые возглавила выпускница Белохолуницкой школы кружевниц Вятской губернии. Отделение это, правда, вскоре было закрыто из-за вредного влияния на здоровье девочек — мелкие работы плохо влияли на зрение. Столь же недолгим был опыт завертывания конфет для кондитерского магазина Т.А. Афоной. Как только было обнаружено неблагоприятное влияние оберточных красок на здоровье девочек, работы были прекращены. Более полезным было признано обучение детей крою платья, для чего в воспитательный дом в 1911 г. была специально приглашена швея-закройщица. Кулинарное искусство девочки постигали на курсах при работавшем тогда в Екатеринбурге Нуровском приюте. Мальчиков обучали в собственных мастерских сапожному и переплетно-линобальному делу. Надо заметить, что работа мальчиков была довольно прибыльной для администрации. Мастерские петровского сиротско-воспитательного дома, оборудованные необходимыми приборами, машинами и инструментами, давали неплохой доход: в 1905–1914 гг. он составлял от 1771 руб. до 3922 руб.

Помимо работ в мастерских, дети выполняли и другие обязанности по дому. Девочки назначались посменно на дежурство в больничку и палаты для грудных детей, убирали спальни, обучались работам на кухне, в прачечной и гладильной. Призываемые мальчики ухаживали за скотом, чистили двор. Для обучения садово-огородным работам попечительный совет воспитательного дома арендовал небольшой огород у одного из жителей Верх-Исетского поселка. Он обрабатывался силами призываемых и снабжал воспитательный дом своими овощами. Одним из основных методов воспитания детей в сиротско-воспитательном доме было строгое соблюдение дисциплины. Во главе дома стояла смотрительница, которая обязана была «содействовать правильному и успешному ходу дела в учреждении во всех отношениях». В подчинении у нее находились воспитатели, наблюдавшие за поведением детей. В отделении мальчиков эту должность обычно занимал человек, имевший педагогическое образование и получивший звание народного учителя. У девочек функции воспитательницы выполняла помощница смотрительницы. Для нарушителей дисциплины существовали достаточно суровые меры наказания, которые, впрочем, не были излишне жестоки, так как за деятельностью педагогов постоянно наблюдал попечительский совет.

Могло вмешаться во внутренние дела воспитательного дома и городское управление. В 1904 г., например, на одно из заседаний Екатеринбургской думы был приглашен председатель попечительского совета дома И. С. Степанов для объяснений по поводу одной из заметок, появившихся в местной газете «Уральская жизнь». Корреспондент газеты, описывая повседневную жизнь петровского дома, осудил «варварское» обращение воспитателей с детьми. Особый гнев журналиста вызвало заключение в карцер четыре-пятiletних девочек и «стояние в мешке» одного из воспитанников дома с завязанными руками. И. С. Степанов пояснил, что по поводу заметки уже состоялось заседание попечительного совета, точные подробности описанных происшествий выяснены путем опроса детей и воспитателей. Оказалось, что в карцер на небольшой срок была заключена восьмилетняя девочка Филатова, причем наказавшая ее смотрительница Анисимова очень быстро освободила воспитанницу. Тем не менее, совет решил освободить Анисимову от должности за грубое нарушение норм Устава, позволявших заключение в карцер только мальчиков, начиная с 10 лет. По поводу «стояния в мешке» также было проведено расследование. Оказалось, что в «мешке» с завязанными руками стоял мальчик Зайцев, что тоже было исключительным случаем, так как подобное наказание предусматривало лишь меру морального воздействия. На провинившегося в воспитательном доме надевали рубашку, шитую из мешочного холста с широким воротом и проймами для рук и оставляли его в этом наряде на несколько часов в вестибюле дома. Руки детей при этом оставались свободными. За превышение полномочий при вынесении наказания смотрительнице был сделан строгий выговор.

В целом, однако, попечительный совет признал меры наказания, практикующиеся в воспитательном доме, вполне допустимыми, так как они были приняты во многих детских учреждениях, в том числе и предназначенных для высших слоев общества: «Возьмем хотя бы все мужские средние учебные заведения, где, в силу устава этих заведений, обязательно при каждом из них имеется карцер и эта мера наказания практикуется, довольно часто; причем бывали случаи сажания в карцер на 2–3 дня и более. Однако же, против этой меры никто из родителей ни путем печати, ни путем возбуждения ходатайств об отмене карцеров не протестует». По словам председателя, в петровском воспитательном доме подобное наказание применялось лишь на 2–3 часа и то лишь по отношению к мальчикам, начиная с 10-летнего возраста. Наказания, подобные «стоянию в мешке», по мнению И. С. Степанова, также применялись в других учреждениях. «Так, одевание черных фартуков и пелеринок, иногда с вывешиванием на груди наказанных аншлага с указанием на их проступки, употребление черного стола практикуется и по настоящее время в женских институтах, где обучаются дети интеллигентных родителей и не возбуждает протеста». Для воспитательного дома «стояние в мешке» было одной из самых суровых мер и применялось не более 4–5 раз в год.

И. С. Степанов отметил, впрочем, ограниченность этих мер педагогики и заявил, что в принципе попечительный совет выступает против всяких наказаний, «но едва ли при настоящем состоянии общества возможно встретить даже частную семью, где не прибегали бы к той или иной мере наказания. Конечно, в этом отношении встречаются исключения, но эти исключения доступны лишь лицам со средствами, имеющим возможность со дня рождения ребенка окружить его интеллигентными боннами, а затем гувернерами или гувернантками, но чем грубее нравы среды, тем суровее и меры наказания» [5, с. 69–73]. После горячих прений городская дума приняла объяснения председателя попечительного совета и рекомендовала редакции газеты «Уральская жизнь» напечатать дополнительную заметку по поводу содержания детей в сиротско-воспитательном доме. Контроль городской общественности за действиями педагогов, как мы видим, был достаточно действенным, он позволял соблюдать границы дозволенного в вопросах поддержания дисциплины, которые и до сих пор являются большой проблемой детских закрытых учреждений.

Отмечая значение Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома, нельзя не признать, что полностью удовлетворить решение проблем помощи брошенным детям в Пермской губернии он не мог. Система детской помощи на территории в целом в дореволюционный период не сложилась. В качестве главной отрицательной черты организации помощи бедным и обездоленным детям того времени современный исследователь Л. А. Булгакова называет ее хаотичность: «Проблема заключалась в том, что не были установлены категории лиц, подлежащих обязательному призрению, не определены источники финансирования социальной помощи и

не разграничены обязанности органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению призрения, а следовательно, не было ясности в том, что же остается на долю благотворительности. Помощь нуждающимся оказывалась через разобщенные и не связанные между собой земские, городские, сословные и ведомственные учреждения, благотворительные общества, церковно-приходские попечительства, приказы общественного призрения» [1, с. 313]. Это, впрочем, понимали и современники. Недостатки и дальнейшие возможности детского призрения обсуждались врачами и общественными деятелями на заседаниях Всероссийских съездов по общественному призрению, которые состоялись в 1910, 1914 и 1916 гг. В сложных условиях войны и революций воплотить их решения в жизнь не удалось.

Список источников

1. Булгакова Л. А. Проблемы интеграции в сфере социальной помощи в дореволюционной России // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. — СПб. : Лики России, 2001. — С. 310–314.
2. Выписка из отчета Министерства внутренних дел за 1828 год // Журнал Министерства внутренних дел. — 1829. — Кн. 2. — С. 260.
3. Денп Ф. Медико-статистическая записка об Императорском воспитательном доме в течение 1830, 1831, 1832 и 1833 годов, составленная главным доктором оною Филиппом Денпом. — СПб. : Тип. Н. Греча, 1835. — 60 с.
4. Калачников В. В. Исторический очерк Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома имени Семена Алексеевича Петрова. К 25-летию его существования. — Екатеринбург : Тип. т-ва «Уральский край», 1915. — 59 с.
5. Журналы Екатеринбургской городской думы за 1904 год. — Екатеринбург : Тип. В.Н. Алексева, 1905. — 223 с.
6. Путерен М. Д. Материалы по вопросу о призрении бесприютных детей и подкидышей в России // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, издаваемый медицинским департаментом. — 1893. — Т. XX. — Кн.1. — С. 2–50.
7. Путерен М. Д. Исторический обзор призрения внебрачных детей и подкидышей и настоящее положение этого дела в России и других странах. — СПб. : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1908. — 668 с.
8. Райц М. М. Как поставить дело призрения детей в России // Охрана материнства и младенчества. — 1917. — № 6. — С. 495–497.
9. Рашкович М. П. Материалы для оценки дела призрения бесприютных и покинутых детей в России // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, издаваемый медицинским департаментом. — 1897. — № 4. — С.95–97.
10. Селиванов А. Ф. Воспитательные, сиропитательные и сиротские дома, приюты для подкидышей и приюты для малолетних // Общественное и частное призрение в России. — СПб., 1907. — С. 184–186.
11. Соколов А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства. Начало XVIII — конец XIX вв. 3-е изд. — СПб.: Лики России, 2007. — 655 с.

Информация об авторе

Дашкевич Людмила Александровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (620990, Россия, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16, e-mail: ldash54@mail.ru).

Organization of Assistance to Illegitimate and Abandoned Children in the Perm Province in the Late 19th — Early 20th Century

The article highlights the organization of assistance to abandoned children in the Perm province. In the late 18th — early 19th century the main institution of this assistance was orphanages, which were a unique phenomenon not only in Russian, but also in European practice. According to the law, all abandoned children, both legitimate and illegitimate, left the educational institutions as free people and retained this status in the future, no one had the opportunity to enslave them. In 1828 the government closed orphanages in the provinces. The main reason for this decision was politically-class factors. Care for abandoned children was transferred to local governments. However, the size of the child care was small, a large part of the abandoned babies were dying. In the late 19th — early 20th century the state has increased attention to the problems of abandoned children. In 1898, the organization of orphanages was permitted again. In the Perm province, the Verkh-Isetsy orphanage played the main role in helping abandoned children. There were other assistance institutions. However, the whole system of assistance to abandoned children in the country, including in the territory of the Perm province, did not develop. The main negative feature of the organization of assistance to poor and disadvantaged children was its chaotic nature. Assistance was provided through disunited and unconnected zemstvo, city, class and departmental institutions, as well as charitable societies. The sources of financing for social assistance and the categories of persons subject to compulsory charity have not been determined.

Keywords: social policy, child care, orphanages, charity, history of the Urals in 19th — early 20th century.

References

1. Bulgakova L. A. Problems of integration in the sphere of social assistance in pre-revolutionary Russia // *Charity in Russia: social and historical research.* — St. Petersburg: Faces of Russia, 2001. — P. 310–314.
2. Extract from the report of the Ministry of Internal Affairs for 1828 // *Journal of the Ministry of the Interior.* — 1829. — B. 2. — P. 260.
3. Depp F. A medical and statistical note on the Imperial Educational House during 1830, 1831, 1832 and 1833, compiled by Philippe Depp, the chief doctor of that House. — St. Petersburg: Typ. N. Grecha, 1835. — 60 p.
4. Kalachnikov V. V. Historical outline of the Verkh-Isetsy orphanage-educational house named after Semyon Alekseevich Petrov. To the 25th anniversary of its existence. — Yekaterinburg: Typ. of p-ship «Ural Region», 1915. — 59 p.
5. Journals of the Yekaterinburg City Duma for 1904. — Yekaterinburg: Typ. of V. N. Alekseev, 1905. — 223 p.
6. Puteren M. D. Materials on the issue of charity of homeless children and foundlings in Russia // *Bulletin of Public Hygiene, Judicial and Practical Medicine, published by the Medical Department.* — 1893. — T. XX. — B. 1. — P. 2–50.
7. Puteren M. D. A historical survey of the charity of illegitimate children and foundlings and the current state of this case in Russia and other countries. — St. Petersburg: Typ. V. F. Kirschbaum, 1908. — 668 p.
8. Raits M. M. How to put the cause of children's charity in Russia // *Protection of motherhood and infancy.* — 1917. — № 6. P. — 495–497.
9. Rashkovich M. P. Materials for assessing the case of charity of homeless and abandoned children in Russia // *Bulletin of Public Hygiene, Judicial and Practical Medicine, published by the Medical Department.* — 1897. — № 4. — P. 95–97.
10. Selivanov A. F. Educational houses and orphanages, shelters for foundlings and orphanages for juveniles // *Public and private charity in Russia.* — St. Petersburg, 1907. — P. 184–186.

11. Sokolov A. P. Charity in Russia as a mechanism of interaction between society and the state (early 18th — late 19th century). 3rd ed. — St. Petersburg: Fases of Russia, 2007. — 655 p.

Author

Dashkevich Liudmila A. — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (16, S. Kovalevskoy St., Ekaterinburg, 620990, Russia; e-mail: ldash54@mail.ru).